

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В КАЗАХСТАНЕ (1920–1929 гг.)

Рассматриваются основные направления национальной политики Советского государства в Казахстане. Основное внимание уделено проблемам политики коренизации управленческого аппарата и практике землеустройства, вызвавших обострение межэтнических отношений в середине 1920-х гг. Попытка свертывания национальной политики начала 1920-х гг. столкнула Сталина и сторонников курса на жесткую централизацию страны и разжигание классовой войны в деревне и в кочевом ауле с национал-коммунистами, защищавших кочевой образ жизни и традиционный культурный порядок. Разгром национальной оппозиции в Казахстане в 1927–1928 гг. открыл дорогу для силовой модернизации казахстанского общества.

Ключевые слова: национальная политика; коренизация; межэтнические конфликты; национал-коммунисты; национализм.

Рост межэтнических противоречий, представляющих результат неконтролируемых миграционных потоков, влияющих на изменение национального состава населения, борьбы за ресурсы национальных элит и разнонаправленности культурных запросов этнических групп, требует глубокого научного анализа истории национальной политики Советского государства. В постсоветских государствах, включая Казахстан, остро стоит проблема социального и межэтнического доверия. В этой связи вызывает исследовательский интерес национальная политика Советского государства в Казахстане в 1920-е гг. Настоящая статья посвящена изучению основных направлений национальной политики Советского государства в Казахстане в первое десятилетие после образования казахской автономии в составе РСФСР. В статье показаны проблемы, с которыми столкнулись большевики в национальных регионах. Урегулирование открытых и латентных межэтнических конфликтов требовало от большевиков тщательного учета запросов национальных меньшинств страны.

Изучение национальной политики Советского государства в Казахстане в 1920-е гг. имеет давние традиции в отечественной историографии. В трудах Г.Ф. Дахшлейгера, С.З. Зиманова, А.П. Кучкина и др. освещались проблемы национально-государственного строительства, социального и культурного прогресса казахского общества, развития казахской социалистической нации, аграрных преобразований. Как правило, в дореволюционной научной литературе национальная политика связывалась с личностью Ленина, а имя Сталина – ее главного теоретика и «архитектора», замалчивалось.

После распада СССР резко меняется акцент в исторических исследованиях в бывших союзных республиках, становятся популярными работы в жанре описания «колониального угнетения и постоянного национального сопротивления». Антиимперский мейнстрим в казахстанском историописании задавался академиком М.К. Козыбаевым, сведшим основные положения советской национальной политики к ограничению права наций на самоопределение, «созданию «кукольных» национальных образований» и централизацию власти над народами страны [1. С. 158]. Российский исследо-

ватель А. Ремнев дал следующую характеристику основных дискурсов в исторической науке Казахстана: «Современная историография Казахской степи и казахского народа имперского периода перегружена методологическими противоречиями, новыми и старыми идеологемами, используемыми с нескрываемым политическим прагматизмом...» [2. С. 182–184].

В зарубежной историографии национальная политика Советского государства рассматривалась как комплекс вынужденных мер, проведение которых способствовало новому объединению страны и проведению новой имперской политики. Окончательной целью называлась ассимиляция советских национальных меньшинств [3. С. 201–208].

Фундаментальные принципы национальной политики были изложены в резолюции X съезда РКП(б), где было специально подчеркнуто, что «суть национального вопроса в РСФСР состоит в том, чтобы уничтожить ту отсталость национальностей, которую они унаследовали от прошлого, дать возможность остальным народам догнать Центральную Россию и в государственном, и в культурном, и в хозяйственном отношении» [4. С. 366]. Борьба за доверие народов страны предполагала ликвидацию фактического и юридического неравенства. Одновременно с созданием органов управления в национально-территориальных образованиях Советской России проводилась земельно-водная реформа, цель которой было установление справедливости в распоряжении земельными фондами Переселенческого управления и казачьих войск.

26 августа 1920 г. ВЦИК и Совет Народных Комиссаров РСФСР принял подписанный председателем ВЦИК М.И. Калининым, председателем СНК В.И. Лениным и секретарем ВЦИК А. Енукидзе «Декрет об образовании Киргизской Советской Автономной Социалистической Республики», входящей в состав РСФСР со столицей в г. Оренбурге. Передача Оренбурга с прилегающими районами объяснялась необходимостью включения в республику крупного пролетарского центра, имеющего развитые революционные традиции. Кроме того, Оренбург был тесно экономически связан с кочевыми и полукочевыми районами Степного края [5. С. 46].

С.З. Зиманов, высоко оценивая шаги Советской власти по созданию национальной государственности, пишет: «Право наций на самоопределение, взятое Лениным из политического и демократического арсенала Запада и модернизированное им на большевистский лад применительно к условиям России, при всей своей ограниченности и деформации явилось одним из важнейших факторов интернационализации и обеспечения «единства» общества и страны. Парадокс состоял в том, что навязанное право самоопределения укрепило Россию как великую державу, основанную на советской власти. Без этой идеи и ее практической конструкции вряд ли бы состоялся Союз советских республик и была бы одержана победа в Великой Отечественной войне» [6. С. 12].

Национально-государственное строительство шло одновременно с реализацией комплексной национальной политики, предполагавшей преодоление фактического неравноправия этнических меньшинств и ликвидации негативных последствий колониальной политики царизма в наиболее остро назревавшем земельном вопросе. Большевики видели недоверие и отчуждение национальных окраин к новой власти, воспринимаемой как видоизмененная форма имперского господства русских. Настороженность местного населения по отношению к Советской власти наблюдалась в казахской автономии. А. Байтурсынов в феврале 1921 г. писал в газете «Ак Жол» о существовании в республике двух враждебных классов – казахов и русских [7. С. 31].

Решение национального вопроса в Центральной Азии затруднялось конфликтами из-за вопросов землеустройства между коренным и пришлым населением. Создав национальные республики, большевики обязаны были урегулировать этот вопрос путем уступок. По различным подсчетам в дореволюционный период из пользования казахов было изъято 45 млн десятин наиболее плодородных земель, из них 10 млн десятин передано казачьим войскам [8. С. 411].

На Учредительном съезде в октябре 1920 г. была принята Декларация прав трудящихся Киргизской АССР, провозгласившая: «Положить в основу земельной политики в КАССР обеспечение интересов киргизской и крестьянской бедноты, в особенности групп киргизских трудящихся масс, кои были ограблены царским правительством и российской буржуазией» [9. С. 271]. На Первой областной партконференции РКП(б) (июнь 1921 г.) были одобрены решения Учредительного съезда Советов КАССР и перед низовыми партийными организациями поставлена цель «сравнять в экономическом отношении русских и киргиз... энергично поведя борьбу с захватами земель, предоставить оседающим киргизам оставшийся свободным переселенческий фонд и неиспользованные оброчные земли» [10. С. 279–284]. Большевики стремились к сглаживанию противоречий между казахским и русским населением в вопросах землепользования, но для этого требовалось перекрыть неконтролируемую миграцию кре-

стьян из европейской части страны и Сибири. С целью не усугублять эту проблему СНК КАССР постановлением от 8 ноября 1920 г. запретил самовольное крестьянское переселение.

В числе главных мероприятий предполагалось возвращение казахскому населению ранее изъятых земель. На основе декретов от 2 февраля и 19 апреля 1921 г. казахским крестьянам возвращались свободные земли, неосвоенные переселенцами до февраля 1921 г. в Акмолинской, Кустанайской, Тургайской, Семипалатинской и Уральской губерниях. Казахскому населению возвращались земли, сданные в долгосрочную аренду дворянам, капиталистам и монастырям, а также земли, переданные имперскими властями в вечное пользование за службу Сибирскому и Уральскому казачьим войскам. С учетом территорий, входивших в Туркестанскую АССР в период чрезвычайных аграрных мероприятий 1920–1921 гг., казахскому населению было возвращено несколько миллионов гектаров земли [11. С. 159]. Г.Ф. Дахшлейгер признал наличие неизбежных перегибов в политике и практике землеустройства, порожденных этноцентристскими трактовками принимаемых нормативных актов и несовместимых с проводимой генеральной политикой Советской власти, направленной на интеграцию народов на основе социальной солидарности. Поступали даже предложения о полном выселении русско-украинского крестьянства с территории КАССР, закрытии территории автономии для переселения [12. С. 55].

После национально-территориального размежевания 1924 г. сложился административный и политический формат казахстанской государственности, в рамках которого протекали последующие этнонациональные процессы. С 1922 по 1928 г. этнополитические процессы в Казахстане в значительной степени определялись политикой коренизации, практикой землеустройства и проблемами советизации казахского аула. Вокруг этих проблем шла ожесточенная полемика между сторонниками сталинского централизма и национал-коммунистами, находившимися под сильным влиянием бывших алашевских деятелей.

Значительное место в национальной политике занимала политика коренизации, заключавшаяся в создании управленческого аппарата, близкого и доступного советским народам. Главный «архитектор» советской национальной политики И.В. Сталин призывал к привлечению «националов» в управление с тем, «чтобы Советская власть стала столь же родной и близкой для народных масс окраин России. Но для того, чтобы сделаться родной, Советская власть должна стать прежде всего понятной для них... Советскую автономию нельзя рассматривать, как нечто абстрактное и надуманное, тем более ее нельзя считать пустым декларативным обещанием. Советская автономия есть самая реальная, самая конкретная форма объединения окраин с центральной Россией» [13. С. 358, 359].

В исторической науке существуют различные оценки политики коренизации. Политика позитивной дис-

криминации, или «положительной деятельности», (Т. Мартин) была изобретением большевиков, а не индийских националистов в середине XX в. Р. Суни исходит из верности советского руководства идеологии равенства народов и полагает, что большевики, являясь сторонниками экономического детерминизма, действительно считали необходимым поднять культурный уровень отсталых народов до уровня развития передовых европейских наций. С этой целью, пишет Р. Суни, «СССР начал политику, которая была названа программой аффирмативных актов (позитивной дискриминации – С.К.), предоставлявшую привилегии коренным жителям на их собственных национальных территориях. В первые годы советской власти политика коренизации ставила цель дать образование на родных языках нерусскому населению, продвигать его социально, чтобы его представители постепенно стали занимать руководящие позиции в образовании, культуре, промышленности, в партии и государстве» [14. С. 109].

Политика коренизации начинается с принятия 22 ноября 1923 г. декрета КазЦИК о введении делопроизводства на казахском языке. Согласно намеченному графику с января по июль 1924 г. все официальное делопроизводство в казахских волостях должно было быть переведено на родной язык. С целью контроля над проведением коренизации был создан специальный орган – Комиссия при КазЦИК по коренизации. С конца 1923 г. начали деятельность губернские и уездные подразделения республиканской Комиссии по коренизации.

Политика коренизации предусматривала проведение в жизнь комплекса мер, предназначенных для преодоления отчуждения казахского населения к новой власти, привлечению казахов в государственное управление, модернизации социальной структуры этноса через формирование кадров индустриальных работников. На первом этапе главной задачей ставилась процентная коренизация управленческого аппарата. В директивном письме краевое руководство особо отмечало цели и политическую значимость успеха коренизации, которая «является единственно мыслимым мероприятием, способным действительно вовлечь трудящиеся массы КАССР в советское строительство. Коренизация аппарата преследует следующие цели: а) сделать аппарат доступным широким массам населения; б) вовлечь казахов в советское строительство; в) поднять активность и самостоятельность казахских масс; г) создать почву для экономического и политического развития ранее угнетенных национальностей; д) устранить посредников между аппаратом и населением» [15. С. 111].

В каждом учреждении устанавливался обязательный процент штата казахских работников. Номенклатура должностей, подлежащих обязательной коренизации, не оговаривалась. Это позволяло многим руководителям обходить грозные директивы «сверху». Работникам европейских национальностей не вменялось в обязанность знание казахского языка. Политика позитивной дискриминации вызывала недоумение и сопротивление не толь-

ко «европейских» ответработников, но и широких слоев русского населения, переносивших неприязнь и обиды на титульное население. На местах имело место игнорирование требований республиканского руководства. В Семипалатинске местный районный руководитель открыто объявил: «У нас русский район, поэтому на решения Казакской конференции не заостряли внимание» [16. Л. 30].

Подготовка кадров велась в профессиональных учебных заведениях. В 1925 г. в республике насчитывалось 42 средних учебных заведения, в которых обучались 1 790 казахов. Ускоренными темпами рекрутировались казахи в ряды республиканской партийной организации. В 1922 г. численность казахских коммунистов составляла 1481 человек (8,9% от общей численности партийцев), с 1924 по 1 января 1926 г. численность казахских коммунистов выросла в семь раз, с 1 539 до 11 634 человек. Большая часть новых коммунистов была малообразованной. На 1 января 1926 г. из 11 634 коммунистов-казахов 4 432 были азбучно неграмотны (38%), из 6 225 партийцев из числа национальных меньшинств азбучно неграмотны были 1 471 человек (923%). Из 15 399 русских коммунистов неграмотны были только 631 человек (4%) [17. С. 109].

Коренизация проходила первоначально успешно лишь на уровне республиканского аппарата. В местном аппарате казахам предоставлялись преимущественно должности низших служащих – сторожей, кучеров и курсоров. Увольняемые с коренизированных должностей «европейцы» с трудом находили новую работу и владели нищенское существование. Процентная коренизация вызывала пассивное сопротивление русской части аппарата. Вторая сессия КазЦИК потребовала 100%-й коренизации штатов в районах проживания казахского населения и 50%-й коренизации в районах со смешанным населением [10. С. 195].

К концу первого этапа коренизации представительство казахов на всех уровнях партийно-государственного аппарата было значительно ниже, чем планировалось. Желаемого уровня коренизации удалось достичь лишь в высшем руководящем звене. На 1 января 1926 г. в Президиуме КазЦИК работали 12 казахов, 2 русских, 1 каракалпак и 1 узбек. В республиканском Совете Народных Комиссаров на руководящих постах находились 11 казахов и 5 представителей неказахского населения. В составе руководителей республиканских хозяйственных органов представительство было иным – 8 из 16 человек руководителями были русскими по национальности. На 1 января 1925 г., по данным КазЦИК, наибольшее представительство казахов было в Наркомате просвещения (28%), социального обеспечения (27,7%), Наркомате РКИ (20%) и Наркомате юстиции (17,5%). Меньше всего были коренизированы Народный комиссариат труда (7%), внутренних дел (6%), Казцентрсовнархоз (6%), Наркомат здравоохранения (4%), Казвоенкомат (4%), Уполнаркомвнутрторг (2,5%), Казстатуправление (1,5%) и Наркомат финансов (0%) [18. С. 131].

Преобладание в высшем руководстве края позволило национал-коммунистам смелее проводить практику этнических предпочтений в землеустройстве населения. В первую очередь, национал-коммунисты постарались юридически закрепить запрет на аграрное переселение населения из европейской части страны, опасаясь изменения национального состава населения и снижения доли титульного этноса. С конца 1923 г. землеустройство стало проводиться исключительно в пользу казахского населения, о чем было открыто и недвусмысленно заявлено краевым руководством. В феврале 1925 г. Второй Пленум Казкрайкома принял резолюцию, согласно которой землеустройство казахского населения должно было происходить не только за счет занимаемых ими земель, но и за счет «земли, освобожденной в результате добровольного переселения переселенческих участков, и участков земли, захваченных самовольно» [15. С. 111].

В результате проведения этнически ориентированной политики в сфере землеустройства и формирования местных органов власти в республике складывается взрывоопасная ситуация, аналогичная той, которая привела к Великому восстанию 1916 г., с той разницей, что протестный потенциал теперь формировался русским населением края. Недовольное неказахское население мигрировало в соседние районы РСФСР или обращалось к союзным властям с просьбой о создании автономии с прямым подчинением Москве. Русский крестьянин писал М.И. Калинину: «У нас в Казахстане у власти сидят одни казахи... землеустройство проводят среди казахов» [19. Л. 106]. В свою очередь, радикально настроенная часть казахов требовала выселения русских крестьян и казаков в Сибирь [20. Л. 130–133]. Сводки партийных органов и ОГПУ сообщают о многочисленных стычках казахского и русского населения. Казахи занимались часто потравami посевов, кражей скота, захватами земли. Русские остро ощущали потерю прежнего привилегированного положения и засыпали центральные органы жалобами на казахов и республиканское руководство [21. Л. 12].

Обострение межэтнических конфликтов не входило в планы союзного руководства после отхода от власти Ленина, усилившего давление на национал-коммунистов. Усиление централизаторских тенденций обычно связывают с личностью Сталина, не скрывавшего после разгрома в 1923 г. «султан-галеевщины» подозрительного отношения к этнонационалистским проектам местных коммунистических элит. С середины 1920-х гг. Союзный Центр постепенно лишает местные центры власти относительной свободы в контроле над республиками. Менялись подходы в отношении учета интересов русских в национальных республиках.

В Казахстане «смена вех» советской национальной политики ассоциируется с личностью Ф.И. Голощекина. В сентябре 1925 г. Голощекин возглавил партийную организацию республики. Первоначально Голощекин лавировал между требованиями центра и местной элиты, стараясь ослабить связь национал-

коммунистов и алашевцев. Голощекин лгливо называл прежнее руководство «собирателями Казакской земли» и казахского народа [22. С. 4, 5]. Но вскоре риторика партийного главы республики изменилась. В своем отчетном выступлении на Бюро Казкрайкома РКП(б) Голощекин заговорил о наличии в республиканской партийной организации двух уклонов: «Первый уклон – отсутствие учета деловой стороны. Рассматривают казакизацию, как привилегию, иногда идет казакизация под националистическим уклоном, казакизацией иногда пользуются по групповым соображениям. Уклон второй – сопротивление русской части аппарата, пренебрежительное отношение к казахам, недоверие, иногда бегство» [Там же. С. 17]. Русские коммунисты были обвинены в шовинистическом уклоне, казахские – в нахождении под влиянием Алаш-Орды, объявленной «безусловно контрреволюционной силой» [Там же. С. 23].

В соответствии с новыми веяниями были внесены изменения в политику коренизации, которая с весны 1926 г. должна была стать составной частью политики советизации казахского социума. 20 мая 1926 г. Президиум КазЦИК осудил процентную коренизацию и ликвидировал комиссию по коренизации с передачей дел в Наркомат РКИ. Голощекин настаивал на коренизации только государственного и советского аппарата, считая, что подбор кадров в партаппарате является прерогативой союзного ЦК.

Против перехода к функциональной коренизации выступили члены Бюро Казкрайкома ВКП(б) С. Садвокасов и Ж. Мунбаев, потребовавшие завершения работы по укомплектованию аппарата казахскими работниками [20. Л. 130–133]. Свертывание процентной коренизации и внесение корректив в землеустроительную политику столкнуло Голощекина и его приверженцев, ориентировавшихся на сталинский централизм, с национал-коммунистами. Конфликт между Голощекиным и национал-коммунистами обострился в сентябре 1926 г. На закрытом заседании члены Президиума Казкрайкома С. Садвокасов и Ж. Мунбаев подвергли критике Голощекина, обвинив его в диктаторстве и угнетении национальных кадров [23. Л. 58–61]. Национал-коммунисты отвергали обвинения в национализме и выдвижении лозунгов «Казахстан для казахов» в свой адрес.

Острая дискуссия по вопросам дальнейшего социально-экономического развития республики развернулась в 1927–1928 гг. 8 февраля 1927 г. Президиум ВЦИК РСФСР уравнил в правах на землепользование казахское население и крестьян-переселенцев [24. Л. 1–2]. Однако краевое партийное руководство отказалось выполнять решение высшего органа власти. Казахские коммунисты опасались, что отмена запрета на землеустройство переселенцев откроет Казахстан для новой волны переселения русских крестьян. 8 июля 1928 г. Бюро Казкрайкома ВКП(б) опротестовало решение ВЦИК РСФСР и, отвергнув проект Голощекина, пред-

лагавшего уравнивать все национальности в праве на наделение земель, подтвердило первоочередное право казахского населения на землеустройство за счет государства [25. Л. 111]. Союзный Центр жестко отреагировал на столь откровенный вызов со стороны местных центров власти и национал-коммунистов, открыто проигнорировавших требования партийной дисциплины.

В ноябре 1927 г. состоялась VI Всеказахская конференция ВКП(б), посвященная межнациональным отношениям в республике. VI Всеказахская конференция ВКП(б) приняла линию союзного руководства на уравнивание всех национальностей в землеустройстве и переходе на классовый подход в отношении казахского аула. Под давлением сторонников «жесткой» линии VI Всеказахская конференция ВКП(б) осудила национал-коммунистов. Лидеры «национального уклона» Садвокасов, Мунбаев и Султанбеков были выведены из Бюро Казкрайкома и больше не могли блокировать решения Голощекина и апеллировать к союзным властям. Сторонники национал-коммунистов были изгнаны из управленческих структур. Наиболее влиятельные казахские коммунисты (Нурмаков, Рыскулов, Асфендияров, Мурзагалиев, Ходжанов) в конце 1920-х гг. были под благовидными предлогами удалены из республики. Одновременно с ударом по национал-коммунистам пресингу подверглись представители национальной интеллигенции, связанные с алашевским движением, и чингизиды, пользовавшиеся авторитетом в казахской среде. В конце 1928 г. из Казахстана были высланы 44 «буржуазных националиста», составлявших ядро алашевского движения и по-прежнему дистанцировавшихся от политики большевиков. Смирившиеся с диктатом Голощекина казахские кадры активно участвовали в последовавшей кампании коллективизации и покорно одобрили в феврале 1929 г. снятие запрета на переселение в Казахстан крестьян из европейской части страны.

Новый поворот национальной политики в Казахстане был следствием стечения многих обстоятельств,

в том числе раздражения сталинского окружения обострением межэтнических отношений в национальных республиках и формированием в местном руководстве национал-коммунистических фракций, выдвигавших иные социальные и экономические проекты. Уступки местным элитам могли породить угрозу целостности страны и поставить под угрозу планы форсированной модернизации в СССР.

Разгром национальной оппозиции в Казахстане открыл возможность реализации гигантского социального проекта по переводу и обобществлению кочевого аула, приведшего к гибели и отколовкам миллионов людей. В значительной мере поражение «буржуазных националистов» и национал-коммунистов было обусловлено тем, что Советская власть достаточно оперативно и чутко реагировала на возникающие проблемы и стремилась к действительной интеграции советских народов, последовательно проводя политику интернационализма.

В то же время нельзя не отрицать значительных подвижек, произошедших в 1920-е гг. в решении национального вопроса в СССР. Следует признать, что Советское государство впервые в мировой практике сумело решить национальный вопрос в том виде, в каком он достался по наследству от царской империи. Советская национальная политика в 1920–1930-е гг. обеспечила успешную интеграцию советского общества и способствовала реальному преодолению межэтнического отчуждения. В короткие сроки было ликвидировано правовое неравенство советских народов. Национальные меньшинства перестали быть инородцами, наиболее крупные этнические группы, компактно размещенные на исторических территориях своего проживания, стали полноправными участниками социалистического строительства. Анализ национальной политики в Казахстане в 1920-е гг. показывает, что формирование и поддержание социального и межэтнического доверия требует постоянного внимания государства и общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Козыбаев М.К. Национально-освободительная война 1916 г. в Казахстане: концептуальные проблемы // Козыбаев М.К. Проблемы методологии, историографии и источниковедения истории Казахстана. (Избранные труды). Алматы : Гылым, 2006. С. 146–157.
2. Ремнев А. Колониальность, постколониальность и «историческая политика» в современном Казахстане // Ab Imperio. 2011. № 1. С. 169–204.
3. Olcott M.B. The Kazakhs. Stanford, Calif: Hoover Institution Press, 1995. 388 p.
4. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК: 9-е изд. М. : Политиздат, 1983. Т. 2. 446 с.
5. Чистяков О.И. Национально-государственное строительство в РСФСР в годы Гражданской войны (1918–1920). М. : Изд-во Моск. ун-та, 1964. 90 с.
6. Зиманов С.З. Теория и практика автономизации в СССР. Алматы : Жеті жарғы, 1998. 144 с.
7. Бейсембиев К.Б. Победа марксистско-ленинской идеологии в Казахстане. Алма-Ата : Казахстан, 1970. 384 с.
8. Сулейменов Б.С., Елеуов Т. Аграрный вопрос в Казахстане. Алма-Ата : Изд-во АН Каз. ССР, 1963. 410 с.
9. Образование Казахской АССР : сб. док. и матер. Алма-Ата : Изд-во Академии наук Казахской ССР, 1957. 366 с.
10. Социалистическое строительство в Казахстане в восстановительный период, 1921–1925 гг. : сб. док. и матер. Алма-Ата : Изд-во Академии наук Казахской ССР, 1962. 592 с.
11. Дахилейгер Г.Ф. Социально-экономические преобразования в ауле и деревне Казахстана. Алма-Ата : Наука, 1965. 536 с.
12. Дахилейгер Г.Ф. Октябрь и некоторые проблемы истории решения национального вопроса в Казахстане (пролетарский интернационализм в действии) // Великий Октябрь в Казахстане : сб. ст. Алма-Ата : Наука, 1977. С. 36–58.
13. Сталин И.В. Политика Советской власти по национальному вопросу в России // Сталин И.В. Сочинения. Т. 4. С. 351–363.
14. Suny R.G., Naimark N.M. The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution, and the Collapse of the Soviet Union. Stanford : Stanford University Pr., 1993. 224 p.
15. Сборник важнейших решений Казкрайкома ВКП(б), принятых за период V–VI Всеказахских конференций. Кызыл-Орда : Казгосиздат, 1927. 188 с.
16. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 25. Д. 17.
17. Кучкин А.П. Советизация казахского аула (1926–1929 гг.). М. : Изд-во АН СССР, 1962. 432 с.

18. Бурдина Е.Н. Факторы становления языкового законодательства и реализация права пользования родным языком в Советском Казахстане // Этнос, общество, цивилизация: III Кузеевские чтения. Уфа : ИЭА УНЦ РАН, 2012. С. 130–134.
19. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 178.
20. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 83.
21. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 190.
22. Голощекин Ф.И. Отчет Казахского Краевого Комитета РКП(б). Кзыл-Орда : Казгосиздат, 1926. 28 с.
23. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 3. Л. 58–61.
24. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-1235. Оп. 43. Д. 61.
25. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 10.

Kaziev Sattar Sh. North Kazakhstan State University named after M. Kozybayev (Petrovsk, The Republic of Kazakhstan). E- mail: sattarkaz@mail.ru

BASIC NATIONAL POLICY OF THE SOVIET STATE IN KAZAKHSTAN (1920–1929 YEARS).

Keywords: national policy; indigenization; ethnic conflict; national communists; nationalism.

The national policy of the Soviet state is the subject of intense research interest for many years. After winning, the Bolsheviks faced the need to find a fair solution of the national question. In the first years after the end of the Civil War their approaches to the settlement of inter-ethnic relations were revolutionary and were aimed at the integration of society and gaining the trust of the population of the national borderlands. The native research and Western sovietology have associated the "Golden Age" of Soviet nationality policy with the name of Lenin. Nation-building, indigenization management, land policy and cultural changes formed the core of the national policy of the Bolsheviks. The indigenization policy or positive discrimination in personnel policy has been an invention of the Bolsheviks, not of the Indian nationalists in the mid-twentieth century. The indigenization policy included enforcing a series of measures intended to overcome the alienation of the Kazakh population in the new government, to attract Kazakhs to the government, and to modernize the social structure of the ethnic group through the framing of industrial workers. The indigenization was successfully carried out at the level of the republic's leadership which made it possible to carry out the ethnically oriented policy in the allocation of land reserves. It brought about the aggravation of inter-ethnic relations and the outflow of the "European" population of Kazakhstan. Since the mid-1920s the centralizing tendency prevailed associated with the formation of Stalin's autocratic regime. In the national policy significant adjustments were made that had to do with the lifting of the ban on the relocation from the European part of the country and the introduction of functional indigenization. These changes caused the conflict between the national-oriented communists and stalinists from the leadership of the Kazkraykom. National communists argued for the preservation of the nomadic communities and traditional cultural order of the Kazakh society. The defeat of the national opposition in 1927–28 opened the way to a gigantic social experiment at the turn of 1929–1930 that brought about the tragedy of collectivization. At the same time one cannot deny the significant progress that occurred in the 1920s in the solution of the national question in the USSR. In a short time the legal inequality of the Soviet peoples was liquidated. The Soviet government was consistently pursuing a policy of internationalism, reacted quickly enough to emerging issues and sought the real integration of Soviet peoples.

REFERENCES

1. Kozybaev M.K. *Problemy metodologii, istoriografii i istochnikovedeniya istorii Kazakhstana. (Izbrannye trudy)* [Problems of methodology, historiography and source studies of history of Kazakhstan (Selected Works)]. Almaty: Gylm Publ., 2006, pp. 146–157.
2. Remnev A. Coloniality, postcoloniality, and "Historical Politics" in contemporary Kazakhstan. *Ab Imperio*, 2011, no. 1, pp. 169–204.
3. Olcott M.B. *The Kazakhs*. Stanford, Calif: Hoover Institution Press, 1995. 388 p.
4. *KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'ezdov, konferentsiy i plenimov TsK* [The CPSU in Resolutions and Decisions of Congresses, Conferences and Central Committee Plenary Sessions]. Moscow: Politizdat Publ., 1983. Vol. 2, 446 p.
5. Chistyakov O.I. *Natsional'no-gosudarstvennoe stroitel'stvo v RSFSR v gody grazhdanskoy voyny (1918–1920)* [National state building in the RSFSR during the Civil War (1918–1920)]. Moscow: Moscow State University Publ., 1964. 90 p.
6. Zimanov S.Z. *Teoriya i praktika avtonomizatsii v SSSR* [Theory and practice of autonomy in the USSR]. Almaty: Zheti zharry Publ., 1998. 144 p.
7. Beysembiev K.B. *Pobeda marksistsko-leninskoy ideologii v Kazakhstane* [The victory of the Marxist-Leninist ideology in Kazakhstan]. Alma-Ata: Kazakhstan Publ., 1970. 384 p.
8. Suleymenov B.S., Eleuov T. *Agrarnyy vopros v Kazakhstane* [Agrarian problem in Kazakhstan]. Alma-Ata: AS Kaz.SSR Publ., 1963. 410 p.
9. Pokhrovsliy S.N. (ed.) *Obrazovanie Kazakhskoy ASSR* [Education of the Kazakh SSR]. Alma-Ata: AS Kazakh SSR Publ., 1957. 366 p.
10. Dahshleiger G.F. *Sotsialisticheskoe stroitel'stvo v Kazakhstane v vosstanovitel'nyy period, 1921–1925 gg.* [Socialist construction in Kazakhstan in the recovery period, 1921–1925]. Alma-Ata: AS Kazakh SSR Publ., 1962. 592 p.
11. Dahshleiger G.F. *Sotsial'no-ekonomicheskie preobrazovaniya v aule i derevne Kazakhstana* [Socio-Economic changes in auls and villages of Kazakhstan]. Alma-Ata: Nauka Publ., 1965. 536 p.
12. Dakhshleyger G.F. *Oktyabr' i nekotorye problemy istorii resheniya natsional'nogo voprosa v Kazakhstane (proletarskiy internatsionalizm v deystvii)* [October and some problems in the history of national question in Kazakhstan (Proletarian internationalism in action)]. In: Balakaev T.B. (ed.) *Velikiy Oktyabr' v Kazakhstane* [The Great October Revolution in Kazakhstan]. Alma-Ata: Nauka Publ., 1977, pp. 36–58.
13. Stalin I.V. *Sochineniya* [Works]. Vol 4, pp. 351–363.
14. Suny R.G., Naimark N.M. *The revenge of the past: Nationalism, revolution, and the collapse of the Soviet Union*. Stanford: Stanford University Pr., 1993. 224 p.
15. *Sbornik vazhneyshikh resheniy Kazkraykoma VKP(b), prinyatykh za period V–VI Vsekazakhskikh konferentsiy* [The collection of the most important decisions of Kazakhstan District Committee VKP (b) over the period of V–VI All-Kazakh Conferences]. Kzyl-Orda: Kazgosizdat Publ., 1927. 188 p.
16. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 25. File 17. (In Russian).
17. Kuchkin A.P. *Sovetizatsiya kazakhskogo ayla (1926–1929 gg.)* [The Sovietization of the Kazakh aul (1926–1929)]. Moscow: USSR AS Publ., 1962. 432 p.
18. Burdina E.N. [Factors of formation of language legislation and implementation of the right to use their native language in the Soviet Kazakhstan]. *Emos, obshchestvo, tsivilizatsiya: III Kuzevskie chteniya* [Ethnicity, Society, Civilization: III Kuzev Reading]. Ufa: IEA UNTs RAN Publ., 2012, pp. 130–134. (In Russian).
19. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 25. File 178. (In Russian).
20. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 25. File 83. (In Russian).
21. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 25. File 190. (In Russian).
22. Goloshchekin F.I. *Otchet Kazakhskogo Kraevogo Komitete RKP(b)* [The Report of the Kazak Provincial Committee of RCP (B)]. Kzyl-Orda: Kazgosizdat Publ., 1926. 28 p.
23. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 25. File 3. Page 58–61. (In Russian).
24. The State Archives of the Russian Federation. Fund P-1235. List 43. File 61. (In Russian).
25. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 25. File 10. (In Russian).